

Доктор
КОСТОЛОМ

Евгений Дергунов

18+

Евгений Дергунов

Доктор Костолом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70673716

SelfPub; 2024

Аннотация

Маленькое лесное приключение Даны и Глеба заканчивается, не успев начаться. Навигатор выходит из строя, дороги ни назад, ни вперед не найти. И только старик в прогнившей хижине может подсказать дорогу. Отшельник и не думает отпускать гостей, пока не познакомит их со своими демонами. За дверью дома путников ждут тайны секретных экспериментов, зверские испытания воли и плоти и встреча с самой тьмой.

Содержание

1	4
2	12
3	18
4	26
5	39

Евгений Дергунов

Доктор Костолом

1

Монстр чувствовал, как что-то происходит в теле, и страдал от каждого движения. Суставы ломило, колени ныли, а собственные кости тянули вниз. Казалось, жидкий металл сковывал их, делая невыносимо тяжелыми. Чудовище хотело уйти из затхлого темного подвала – подальше от пропахшей мочой клетки, чтобы глотнуть свежего воздуха и найти способ покончить с болью. Пусть для этого придется зарыться головой в землю и умереть. Однако плоть прилипала к прогнившим доскам, не давая встать. Оставалось только ползти к выходу. Слизь стекала с обнаженного костлявого тела, на глаза наплывал горячий пот. Но кусок отбитого мяса не останавливался, тянулся к полоске света.

За дверью раздался мерзкий хруст. Щель расширилась, и в ней появился мутный глаз. Кусок мяса потянулся к ручке, желая схватиться за крохотный шанс выбраться на свободу. Но за спиной уже зашлепали босые ноги. В облысевший скользкий череп вонзились длинные когти. Звериная лапа под истошный вопль уволокла жертву во тьму. Та цеплялась за исцарапанные доски, разбрызгивала слизь и собственные

шматки сала, отвалившиеся от рыхлого тела.

В подвале поутихло. Мутный глаз безразлично моргнул. Светлая полоса исчезла. В дверном замке щелкнуло, и наблюдатель молча ушел.

*

Навигатор сошел с ума. Завел в не пойми какую глушь и затем сдох. Карту на экране застлала прыгающие полосы, за которыми иногда виднелись буквы да цифры. Вокруг деревья, а перед глазами пьяная дорожка, которая с каждым километром сужалась. Только надежда и двигала вперед – что там, в конце увитой кустиками кишки, будет выход на большую дорогу.

– Чтоб я хоть раз с тобой куда поехала... – Дана театрально охнула и закатила глаза.

– Болтовня твоя никак не помогает, – Глеб смахнул со лба пот и искоса поглядел на копну кудрявых волос, за которыми скрывалась недовольная мина. – Сейчас приедем, и будет тебе колорит, народные промыслы, местная медицина. Трава всякая, мед. Все, как ты хотела.

– Значит, я хотела? Поняла.

Черный джип притормозил у посеревшей таблички «Резиденция Шолохова». За ней торчали неухоженные кустарники, над которыми высилась покосившаяся крыша спрятанного за металлическим забором ветхого здания. Глеб недовольно посмотрел Дана в глаза, и та, поняв намерение парня спросить дорогу у незнакомцев в глуши, отрицательно пока-

чала головой. На неодобрительный жест он развел руками и открыл дверь.

Глеб подошел к калитке и нажал на кнопку вызова. Мысль поскорее убраться от дома еще не успела пустить корни в голове, как дверь скрипнула. Из проема высунулось хмурое осунувшееся лицо старика, все покрытое бородавками.

– Чего надобно, любезный? – прохрипел незнакомец в очках и засунул руку в карман телогрейки.

– Простите, мы тут с девушкой заплутали, – Глеб обернулся на звук открывающейся двери машины. Дана вылезла из джипа, недовольно цокнув языком, – нам надо в деревушку одну, Сизая называется...

– Это вас бездарь Колька подослал?

– Николай Семеныч, да, – удивился Глеб, – а откуда вы...

– Вы ж не первые такие, ребятушки. Давно ему говорил: проложи уже новый маршрут, нет тут связи. Вот дуралей. Молодые люди то сейчас без своих игрушек и в собственном районе дороги не сыщут. Пойдемте, карту покажу, но не отдам – сделаете свои фотокарточки.

Старик пошире распахнул дверь и захромал к дому, мерзко похрустывая коленом. Глеб и Дана лишь молча переглянулись, не сумев оторвать ноги от примятой травы.

– Ну, чего встали? – даже не обернувшись рявкнул старик. – Тут жить остаться хотите? Палатки от меня не ждите.

Дана локтем ткнула Глеба под ребра и последовала за стариком. Глеб взглянул на джип и тоже скрылся за блестящем

на солнце забором.

Внутри как торнадо прошелся. Стол завален папками, из которых торчали пожелтевшие бумажки. Под ним пускали зловония ведра с неизвестным содержимым. На полу тут и там валялись пожеванные каким-то зверем резиновые игрушки. А в окнах трепыхались полудохлые мухи. Всего в помещении оказалось три двери. Через одну с оконцем можно попасть на задний двор, вторая вела в подвал – прямо над ней была лестница на второй этаж. Из стены у третьей торчал кривой ржавый гвоздь, на котором висел ключ.

– Чего вылупились? – с легкой обидой в хрипотце рявкнул старик. – Гостей я не ждал, да и некогда мне уборкой заниматься. Меня, кстати, Вениамин Львович звать. Не спрашивали, но приличия и в глуши соблюдать надобно.

– Простите, – Глеб непроизвольно приложил ладонь к носу, дабы хоть немного подавить кислый и давным-давно застоявшийся запах гнили и затхлости, – где вы, говорите, карта?

– В сарай пойдем, чистоплюй, там держу. А ты, девица, тут посиди, нечего толпой в тесноте копошиться.

Дана кивнула, и ее губы перекосило от одного только предвкушения ожидания в помойке, когда-то бывшей домом. Глеб извинительно взглянул на нее и нырнул в заднюю дверь за удаляющимся хрустом суставов старика.

– Этим девицам только дай повода – плешь проест. Не правда ли, хлопец?

– Точно, но как вы поняли...?

– А то не вижу, как глазенки выпучивает на тебя. Но, зараза, красавица. Грудки сочные, упругие, сосочки так и норовят кофточку порвать. А куриные бедрышки, м-м-м... На грех просятся. Ох, где мои годы...

– Извините...? – к горлу Глеба подскочил горький комок, а спину обдало морозцем от того, каким низким голосом заговорил старик.

– Да не серчай на дедушку, – Вениамин Львович сглотнул и толкнул дверь, – сколько я тут один-одинешенек, подумай.

В сарае оказалось ничуть не лучше, чем в доме. Хотя здесь старик поддерживал чистоту: инструменты развешены по размеру и предназначению, вдоль стен в аккуратный ряд составлены бочки и ящики, а по центру стоял ничем не захламленный верстак. Однако Глебу было не по себе. Его настораживали развешанные по всему периметру крюки, которым место, скорее, в холодильнике с мясом, чем здесь. И снова испускающие зловония ведра, только здесь их больше, чем в доме.

Глеб пробежался по помещению глазами и заметил торчащий из ящика слесарного стола уголок карты. Идти к нему не стал, вместо этого нащупал в кармане швейцарский нож и повернулся лицом к старику. Вениамин Львович стоял почти вплотную. Глеб понял, что все это время хозяин пялился ему в затылок и будто бы ждал, когда тот обернется. Позабыв про карту, Глеб просунул пальцы в карман и в миг замер, как

если бы его озарила невероятная мысль.

– Мне очень жаль, – старик вновь заговорил низким голосом, – но я слишком стар, чтобы управиться с двумя. А женских особей давненько Колька не направлял.

– Что? – Глеб хотел сбежать от безумца, но продолжал стоять, пока время почему-то замедлялось, а сознание стремительно тонуло в тумане.

Ноги обмякли, половина тела онемела, а лицо налилось жаром, в одно мгновение сменившееся ледяной водой. Глеб посмотрел вниз и тут же упал на колени. Из шеи торчала отвертка. Старик предусмотрительно ушел в сторону, чтобы не испачкаться брызгами крови. Лицо Глеба стало белее мела, растерянные глаза суетливо забегали. Он потянулся к двери, хотел крикнуть, но от бессилия рухнул у ножек верстака, коротко вздрогнул и замер.

Вениамин Львович выждал несколько секунд, вытащил отвертку, протер ее платком и положил на законное место. Открыл ящик с тряпками, собрался прикрыть ими тело, но махнул рукой, пообещав себе прибраться позднее. Свет погас. Раздался замочный щелчок. Края лужицы крови коснулись ножек стола, и стеклянный взгляд застыл навсегда.

*

От зловония у Даны закружилась голова. Но она не позволила себе присесть и на пару минут. Облезлые выцветшие кресла не внушали доверия: на одном гнили остатки еды, другой в серых засохших пятнах, а третий занимали стопки

пыльных книг. Она решила пройтись, чтобы размять ноги и не рухнуть от потери сознания в кучку дерьма.

Внимание привлекла ведущая в подвал дверь. За ней слышался звук. Кто-то царапал дверь. Дана взглянула на пожеванные игрушки и попятилась в сторону выхода. «Постою-ка там», – подумала она, с опаской наблюдая, как дрожит дверь. Снизу раздался дикий вопль, Дана обернулась и с ужасом осмотрелась по сторонам. Взглянула вниз и увидела сдавленного резинового утенка. Как только Дана подняла ногу, и игрушка со свистом вернула прежнюю форму.

Духу проверить, что там в подвале делается, Дана не хватило. Но и выбегать на улицу не стала, желая поскорее встретить Глеба, взять его за руку и поспешить к машине. Направилась к соседней двери, у которой висел ключ. Нагнулась и посмотрела в замочную скважину. По ту сторону оказалось слишком темно, чтобы что-либо углядеть. Однако вполне различимым был темный силуэт. То ли человек неподвижно сидел, то ли старик завалил барахлом очередной потерянный в столетнем хламе предмет мебели. Какую бы простецкую тайну не охраняла дверь с ржавым гвоздем, Дана от вида силуэта становилось не по себе.

Жалобный скрип заставил оторваться от замочной скважины. Сердце подскочило к горлу. Дана почувствовала себя пристыженной девчонкой, которую ждет родительский нагоняй. Задняя дверь, куда ушли Вениамин Львович и Глеб, наконец-то открылась, и Дана чуть не прыжками двинулась

к столу. Сначала она с облегчением вздохнула, что пришло время уносить ноги из домишка. Однако в следующее мгновение смутилась, увидев, что старик вернулся один. Выглядел он озабоченным и встревоженным.

– А где мой парень? – Дана бросила взгляд за спину старика.

– Да вот, милая, непутевый твой в беду попал.

– Что с ним?! Где... – Дана рванула к задней двери, но старик схватил ее за руку. Она с пренебрежением посмотрела на его костлявые лапы с длинными кривыми ногтями. – Не трожь меня! Где Глеб?

Дана шлепнула старика по ладони, и тот ослабил хватку. Предприняла еще одну попытку прорваться к двери, но крепкий удар по затылку сбил с ног. Дана беспомощно глядела на дрожащую дверь в подвал и слушала омерзительный хруст. От страха звук делался все громче и громче, пока в одно мгновение он не рассыпался в теплой дреме.

2

Дана очнулась в темном подвале с большой клеткой в углу и единственным окном высоко под потолком. Ее пробудило прерывистое, как у голодной собаки, вонючее дыхание. Легонько ощупала холодный каменный пол и приоткрыла глаза. Над ней нависало человекоподобное нечто. Лысый мужчина средних лет без бровей и ресниц обнюхивал ее и пускал на кофточку слюни. Лоснящаяся зеленовато-бледная кожа выделяла мерзкую слизь, какой улитки оставляют следы на асфальте. Между сухими губами торчали почерневшие острые зубы. В опухших глазах жадно бегали узкие желтые зрачки, будто выбирая, за какой бок укусить.

Дана попыталась сохранить спокойствие, чтобы незаметно проверить, связана ли она, есть ли рядом хоть что-то, чем отбиться от мерзкой твари. Стон сам вырвался из дрожащих губ, когда Дана обнаружила, что ее ноги что-то удерживает. Чудовище заметило, что добыча проснулась, ближе придвинуло слюнявую морду и нежно убрало с ее лица пряди. Дана попыталась отползти, но монстр схватил ее за плечи. Дана в немом оцепенении оглядела мужика – тот был абсолютно гол. С его хозяйства, как и со всех частей тела, стекала все та же улиточная слизь.

Дана зажмурилась, приготовившись к худшему, но монстр поднял голову и испуганно отпрыгнул к покрытой черной

плесенью стене. За спиной послышался знакомый хруст. Вениамин Львович прошелся по разбросанной тут и там соломе и сел на корточки рядом с Даной. На этот раз он был в белом халате. Вениамин Львович оценивающе осмотрел узницу с ног до головы и равнодушно, как-то мертвецки холодно заговорил:

– Борька-то хулиган, правда? Милая, уж не серчай, что так вышло. Не со зла я. Как держать зла на такую красавицу? Просто не твой день. Однако есть кое-что радостное для тебя в этой досадной ситуации. Станешь частью поистине необыкновенного... Как бы выразиться без магической чепухи? А и ладно с ним, гулять так гулять. Настоящего чуда, подобного тому, что сам Творец создавал! Вот и не верь после такого в божественное.

– Что вам надо? Где Глеб? Отпустите, пожалуйста...

– Не плачь, деточка, ты будешь в первых рядах... В первых рядах.

– Да что ты несешь, сволочь?! – от крика Даны монстр у стены злобно зарычал.

– Голосок прорезался? Ну, ничего, ничего, это мы исправим. Ох, какие бедрышки пропадут...

Вениамин Львович с трудом поднялся, выудил из кармана шприц и направился к клетке в углу. Засунул туда руку, и прутья задрожали. Старик воткнул иглу в плоть скрытого в тени существа, и нечто в клетке завывало. Обратившись к Дане, вернулся с уже наполненным белой слизью шприцом. Вновь

опустился, одним махом отстегнул ремень на ногах, другим – воткнул в бедро шприц.

Дана визгнула, заерзала и, наконец, осознав, что свободна, попыталась встать. Однако ноги не слушались. Под кожей запульсировали венки, от вида танца синих ниток на ногах Дану мгновенно бросило в холодный пот. Провернула еще одну попытку подняться, но тут же согнулась пополам от режущей боли. Ей казалось, вены переплелись и затянулись в узел.

– Что же это... – Дана глядела, как на ногах все пляшут и пляшут вены. Правая нога по воле неведомой силы надломилась под коленкой и согнулась на девяносто градусов вправо. Вторая с еще более невыносимо громким хрустом сломалась влево. Из надломов высунулись кости, но не пролилось ни кровинки. А вены все продолжали набухать, будто кровь в них закипала.

Дана сидела на холодном полу подвала сломанной, выброшенной куклой. Она молча глядела на ноги и боялась шелохнуться. Когда пришло осознание, к мозгу прилили отзвуки невыносимой боли. Они разрастались, становились все громче, пока из глотки Даны не вырвался крик, разодравший сухое горло. Крик вылетел из дома и утонул в толще бескрайнего леса.

*

Ей так не хотелось открывать глаза. Убеждала себя, что если притворится спящей, то тварь эта, Борькой названная,

уберет свои лапы. Ноги все еще гудели. К боли уже удалось привыкнуть, но стон то и дело просился наружу. Но Дана молчала, не хотела спровоцировать монстра. Борька уже битый час поглаживал ее по коленям. Дана разок подглядела и сразу зажмурилась, увидев, как слизистое нечто теребит свой вялый отросток.

Борька отпустил хер и обеими руками ухватился за шорты Даны. Она от неожиданности распахнула глаза и всхлипнула, на что монстр ответил злобным, но в то же время возбужденным рычанием. Борька запрыгнул на Дану и облизнул ее лицо мозолистым распухшим языком. Запихнул ей в шорты пальцы, пытаясь стянуть их с переломанных ног. Дана немощно била ему в липкую грудь, но с каждым ударом все стремительнее теряла силы.

В темноте раздался металлический скрежет. За ним последовал топот, и тень отбросила Борьку в сторону. Дана осмотрела спасителя – им оказался еще один слизистый нагой монстр, но еще худее и на вид слабее. Однако ему хватило прыти пригвоздить Борьку к полу. С не пойми откуда взявшейся силой монстр одним тяжелым ударом снес Борьке нос, сломал челюсть и превратил морду в кровавое месиво с пустыми глазницами.

Повалив на пол тушку Борьки, монстр продолжал его избивать, хотя тот уже и не дышал, лишь судорожно подергивая пальцами. Наконец, он схватил ногу противника и в один мах оторвал ее. Дана привстала и безмолвно посмотрела на

происходящее. Испытывала она смесь страха и благодарности. Монстр плюхнулся на пол, положил ногу в пасть и робко взглянул на гостью в ответ. Не выдержав взгляда красивой девушки, он растерянно опустил глаза и стукнул коленками, будто застеснялся и соизволил прикрыть срам. Плечи поникли, и монстр отполз к стене.

Дана, стараясь унять дрожь, украдкой взглянула на чудовище, надеясь, что оно не набросится и на нее. Стало холодно. Хотелось растереть себе плечи и подыскать хоть какую-то тряпку, которой можно укрыться. Однако боялась шелохнуться и разозлить зверька.

– Спасибо, – наконец нарушила тишину Дана. – К-как тебя зовут?

– Сенька, – голос был высоким, хилым, полностью соответствовал полудохлому виду монстра, – деда Вени я.

– Так значит, клетку покидать можешь, но дед Веня не позволяет свободно гулять?

Сенька промолчал.

Дана перевела взгляд на ноги. Ступни смотрели в противоположные стороны, как у брошенной сломанной куклы. Она больше никогда не сможет ходить. Дана хотела заплакать, позвать на помощь, но не делала этого – не от понимания, что вряд ли кто-то услышит. Просто в какой-то момент перестала чувствовать боль. Слезы отогнало смешанное со страхом любопытство. Дана внимательно глядела на искривленные тростинки перекошенных конечностей, ино-

гда их касалась. И волнующий ее вопрос сам по себе соскользнул с языка.

– Почему мне не больно? – прошептала она.

3

В углу тихонько сопел Сенька. Иногда у него дергались ноги – так обычно происходит во сне у перевозбужденных после активного дня собак. По виду спящего монстра Дана поняла, что наступила ночь. Однако самой и вздремнуть не удалось. Полудохлая мигающая лампа под потолком с трудом освещала помещение, но Дана до боли в глазах пялилась на ноги и следила за тем, как они меняются. Узница перестала их чувствовать, поэтому наблюдение позволяло сохранить уверенность, что конечности совсем не отнялись. Все-таки время от времени пальцы подергивались, а под кожей проносилась неосязаемая рябь. То, что осталось от ног, стремительно чернело, но Дана надеялась, что это все только кажется. Просто проделки бесстыдного, пуще сгустившегося полумрака.

На лестницу упал тонкий луч света. Ступеньки зазаскрипели, и оттуда выглянула седая морщинистая голова с поблескивающими в скудном свете лампы стеклышками в очках. Вениамин Львович держал в руках металлический поднос, на котором стучали друг о друга шприц и колбочка. Сенька поерзал в углу, но не пробудился, а Дана до жжения в спине впечаталась в стену.

Доктор подошел к пленнице и сел на корточки, звонко хрустнув коленями. Сенька от мерзкого звука дернулся, Да-

на тревожно взглянула на него, надеясь, что тот вскочит и разmozжит старику череп. Но тот спал, или старательно притворялся, боясь разозлить деда Веню. Дана была убеждена в последнем, поскольку и в темноте монстрик не смог утаить дрожь.

Вениамин Львович схватил Дану за колено, облизнулся и положил поднос на пол. Молча взял шприц, втянул в него жидкость из колбы и прошелся по бедру пахнущим спиртом клочком бинта. Дана разомкнула сухие губы, чтобы попросить старика сжалиться, но не успела и пискнуть, как тот вонзил иглу в ногу и надавил на поршень. Дана завизжала, Сенька свернулся в клубок, а Вениамин Львович с задором юнца бросил шприц с колбой на поднос и вскочил, вновь звонко прогремев больными ногами. Вытащил из нагрудного кармана крохотную записную книжку, изжеванный карандаш и принялся что-то калякать.

От тугой боли в уже обеих ногах Дана замычала. Казалась, боль после неприятного укуса комарика с каждой секундой распространялась по всему телу и вот-вот могла поразить все органы разом. Нога, куда пришелся укол, забилась в судорогах – казалось, существовала отдельно от всего тела. Дана схватилась за нее, попыталась унять, но та только сильнее билась о влажный от горячего пота пол. Раздался хруст, но теперь не от ног старика – а от ее собственных. Посиневшая от онемения стопа провернулась на сто восемьдесят градусов, пальцы хаотично зашевелились.

Чувства от болевого шока притупились, жар обратился ледяной липкой влагой. Раздался еще один хруст, и стопа встала на свое законное место. Не успела Дана и охнуть, как торчащие из надлома в ноге кости срослись и прошмыгнули под кожу. Перелома как не бывало, и рядом с искривленной кочерыжкой белела ровная целехонькая ножка. И только синяки на месте прежнего перелома напоминали о муках, все еще терзающих разум.

Доктор заключил наблюдения почеркушкой, недовольно цокнул и кинул книжку в карман. Вытащил оттуда же градусник, измерил пленнице, которая безмолвной куклой поддавалась всем его прихотям, температуру и медленно, с искрами похоти в глазах жадно помассировал вылеченную ногу.

– Как сталь, – мурлыкнул он, и от этих слов Дана тут же ощутила привкус железа во рту и неопишемую тяжесть в ноге, – не все так гладко прошло, но будем считать, что ты справилась, милая.

Вениамин Львович задорно шлепнул Дану по бедру и направился к выходу. Умироотворенно посмотрел на сжавшийся комочек в темном углу, кивнул, наслаждаясь послушностью выдрессированного зверька, и погрузился во тьму. Дана хотелось хоть что-нибудь сказать Сеньке. Задать ему вопрос, проходил ли он нечто подобное. Но теплая мгла слишком ласково убаюкивала. Устоять перед обманчивой сладостью покоя не представлялось возможным.

Дана проснулась от вновь восставшего жара. Тело стонало, в груди полыхал огонь. Из полумрака на нее глядели два желтых обеспокоенных глаза. Дрожащие тонкие руки потянули её ковшик с водицей, Дана с диким воплем ударила по нему и выплеснула содержимое. Монстрик скукожился и прыгнул за ковшом, подбежал к бочке, черпанул чуток и вернулся к страдальце.

– Надо пить, – прохрипел Сенька и протянул Данае водицы.

Сенька осторожно обхватил затылок Даны, помог ей приподняться и влил сквозь сухие губы ледяную струю. Та жадно отпила, откашлялась и в следующий миг застучала зубами.

– Терпеть надо. Пот капает. Но пот – хорошо. Спать.

Тело обмякло. Дана перестала его чувствовать. Последним, что она успела ухватить перед падением в теплый мрак, были ноги. Ей казалось, что это лишь сон, потому что так не бывает. Белые, красивые, прямые ноги. Прямо как раньше. Только с пульсирующими синими венками и набухшими мышцами. «Это кошмар, просто кошмар», – убаюкивал голос – то ли ее собственный, то ли чей-то еще. Далекого незнакомца, способного прекратить кошмар, который и не думает кончаться.

*

Вениамин Львович спустил в подвал торшер и несколько резиновых игрушек для Сеньки. Потому что подопытные хорошо себя вели.

– А то в темноте все, в темноте. Не прощу тебя Сенька за то, что с Борькой сделал. Но хоть барыню нашу выходил, – облизываясь и причмокивая объяснял доктор Сеньке, но смотрел лишь на Дану.

Благодаря торшеру Дана и поняла, что просидела в подвале по меньшей мере двух недель. От тусклого света удалось разглядеть волоски на ногах. Обычно колючкой они покрываются не раньше двух недель после бритья.

Внутри все заколотило. К горлу подпрыгнул горький комок, а по щекам потекли горячие слезы. Сенька озабоченно прыгнул к Дана. Раньше старался прикрывать при ней пенис, но теперь так привык – что спокойно болтал им, как послушный пес хвостом. Дана же давно стало все равно, что перед ней на четвереньках бегают слизистое худющее нечто. Рукава кофты покрылись твердой коркой от подсохшей слизи. Монстрик помогал Дана отойти в угол, служащий уборной, поэтому заляпал мерзкой дрянью.

Сенька одной рукой обхватил плечо Даны, другой схватился за ее бедро. На нем иногда подрагивали мускулы, но вены уже пару дней как перестали плясать. Сжал бедро сильнее, начал его массировать, и в глазах Даны вспыхнула физиономия Борьки, который уже давно покоится в морозильной камере. Дед Веня объяснял, что тело ему нужно для исследований. Дана крепко ударила Сеньке по челюсти, отчего тот обрызгал одежду свежей порцией слизи и слюней.

– Нет, нет, Сенька холоший! – заплакал он.

– Какого черта лапаешь, полудурок!?

– Нохи! Нохи! Сильные нохи!

– Волосатые нохи, придурок, – буркнула Дана. Сенька обиженно опустил глаза. – Прости. Мне стало страшно. Что с моими ногами, Сень?

– Сильные... Пора.

– Куда пора?

Сенька указал пальцем на маленькое оконце под потолком. Дана как-то и забыла про него. Неприметная маленькая дыра, отделяющая от свободы лишь стеклом. Решетку старый психопат не оставил. Дана хотела было рывкнуть на полоумного за то, что не напомнил о нем раньше. Но не стала этого делать – поняла, что дотянуться можно лишь вдвоем, на крепких ногах.

Сенька помог Дане встать, и вместе они подошли к окну. Сенька опустился на четвереньки и жестом указал на спину.

– А как же ты, дружок?

– Дед Веня уфол в лес. Но я не наю, када придет, – Сенька глубоко вздохнул и отвернулся к стене, – я нужен.

– Я тебя поняла. Но вернусь, обещаю, вернусь с подмогой.

– Не надо, – Сенька еще раз коротко показал на спину, и Дана повиновалась.

Дана ловко забралась на спину. Сенька под девицей слегка пошатнулся, согнулся, но все же смог выпрямить спину. Удержаться на скользкой поверхности – задачка посложнее. Дана хваталась за каменистую стену, но все равно рухнула,

не успев и пальца к окну потянуть. Во второй раз была смелее – сняла кофту, положила ее на тело Сеньки и куда смелее прошлой попытки, в одном лифчике запрыгнула на тельце. Сенька заскрипел зубами, под ногами Даны хрустнуло, но монстрик уверенно держался на четвереньках.

Пальцы уже коснулись холодного стекла, как наверху послышался шум. Кости под ногами затряслись, а пальцы судорожно застучали по окну.

– Да как же открыть!

Дана воткнула ногти в щель между стеклом и рамкой и потянула к себе. Послышался скрип, но окно не открылось ни на миллиметр. Приглядевшись, Дана поняла, что оно прибито гвоздями с той стороны. Дана чертыхнулась, зажмурилась и ударила в стекло локтем.

Осколки полетели на покрытое мятой тканью тельце. Ноги и руки Сеньки дрожали, но он не смел сдвинуться с места – хотя ноги Даны уже торчали в окне. Наверху шум прекратился, его сменил стремительно приближающийся топот. Дверь распахнулась, и Вениамин Львович сбежал по лестнице. Увидев торчащие из окна ноги, он чуть ли не в прыжок настиг их и дернул со всей дури. Дана поцарапала руки осколками и повалилась на пол. Доктор безмолвно подошел к Сеньке, пнул его по ребрам и харкнул в худое тельце.

Вениамин Львович перешагнул через Дану. Та попыталась схватить его за ноги, но только слабо стукнула обессиленными руками. Все еще не проронив ни словечка, доктор

подошел к двери, пренебрежительно взглянул на подопытных, недовольно хмыкнул и скрылся за дверью.

Вернулся заделывать окно Вениамин Львович только спустя сутки. Быть может, он не верил, что у Даны найдется силенок повернуть еще одну попытку побега. Или хотел помучить их Сенькой, ведь из окна всю ночь лился лесной морозец, а местные кровососы липли на ослабшие тушки.

Доктор молча подошел к окну с другой стороны и принялся ввинчивать прутики. На пленников он и не взглянул, заставляя почувствовать вину. Сенька забился в угол и скулил, а Дана только злилась и представляла, как вгрызается старику в глотку.

– Ну, ничего, – наконец, заговорил Вениамин Львович. Каждое слово он растягивал, смаковал, – ты скоро все поймешь и перестанешь рыпаться. Как Борька. Жаль, что из-за кой-кого все мои старания с ним коту под хвост.

Сенька заерзал в углу и хлюпнул носом. Дана сухо выругалась под нос.

– Некрасиво выражаешься, милая. Благодарна мне должна быть. Вот будь ты моей подопытной в лаборатории, где я прежде работал, забыла бы про домашний уют. Только холодные, холодные белые стены, – старик стиснул зубы, силясь укрепить прутик. – Наверное, любопытно узнать, что за лаборатория?

Дана вновь хотела выругаться. Но что-то не давало ей это

сделать. То ли от вида дрожащего Сеньки понимала, что старику дерзить нельзя. То ли сломалась она, не только ногами, но и волей.

– Дело было, занимался секретными разработками. В те времена еще КГБ шума в стране наводил, а наша конторка делами тихо, в тени занималась, – Вениамин Львович вкрутил посильнее прутик и стукнул по нему молоточком, проверить, держится ли. – Не буду в твою юную головушку запихивать скучные подробности о делишках, какие она проделывала – и, боюсь, проделывает по сей день. Знай просто, милая, что случайности с конторой не случайны, а многие поворотные моменты в истории не просто так.

В сознание Даны закопалась неприятная, зловонная мысль о том, что значат слова старика. Он не видит ни в ней, ни в Сеньке угрозу. Поэтому и болтает – знает, что его звереныш... его звереныши никуда не уйдут. Машину он уже разобрал – на днях в подвал долетели звуки скрежета металла, дребезжания и подыхающего мотора. Вокруг один только лес. А в руках психопата жизни двух беззащитных пташек, залетевших в его берлогу и лишившихся крыльев.

Дана потянулась к углу – там скопилась горстка песка и крохотных камешков. Она сразу заприметила, как они фейерверком брызгали в темницу, пока старик вдалбливал один прутик за другим. Ухватила побольше грязи – собрала все, что поместилось в маленькие слабые ручки. Изуродованный французский маникюр забился серыми комками.

– Еще один, и спущусь! – сквозь прутья блеснула желтая ухмылка. – Так о чем это я? Контора. Занимался я там разработками биооружия, но свернул их – не успели они и глазом моргнуть. Статус, как никак, имел. Но буду с тобой честен, милая, корыстен был, ох, корыстен. Не спроста свернул, не спроста... Вот и готово, милая.

Вениамин Львович встал на своих хрустяшках, схватил чемодан с инструментами и заковылял прочь. Прошло не меньше часа, как мешок костей спустился в подвал. Старик мальчишкой проскочил все ступеньки, чтобы поскорее завершить свою историю. На его желтоватой белизне лица вспыхнул румянец, а в глазах запрыгали огоньки. Дед Веня был рад ухватиться за возможность поговорить с разумным человеком. Видно, Сенька да Борька давно утратили последние частицы ума, которыми еще можно было строить взрослые осмысленные разговоры.

Дана бросила взгляд на приоткрытую дверь и завела напленные песком кулаки за спину. Старик не заметил. Или только сделал вид. Дане было все равно, она не могла удержаться, не могла не дать последней шепотке воли проявить себя. Пока ноги снова не искривились, и пока дед не дал отраву вкуса ежевики, которую насильно вливал в ее горло время от времени. Сладкую, терпкую, дарующую Дане сил и энергии, но в то же время железом притягивающую к гниющему полу подвала. Он несколько дней подряд поил дрянью. Дана брыкалась, умоляла, но все равно проглатывала все, что

давал дед Веня, пока Сенька тихонько скулил и пускал голодные слюни. Вениамин Львович почему-то не разрешал ему пить отраву, оттого Дана становилось только тревожнее. Что это за дрянь, почему Сенька так ее жаждет и... почему хочется еще и еще? Чем дольше Дана здесь, тем меньше шансов вырваться, медлить было нельзя.

Вениамин Львович изменился. Он был весел и легок. Поставил к Дана стульчик ближе обычного, приземлился на него в расслабленной позе. И дверь, она приоткрыта – не вернулся, чтобы закрыть. Дана убеждала себя, что доктор упирается байками своими и теряет бдительность, поэтому надо действовать. Рассудок же говорил: «Ты пленница, ты под контролем, он что-то знает, чего не знаешь ты. Бежать некуда. Некуда больше деваться. Смотри на Сеньку и усеки – это ты, скоро станешь такой и будешь собачкой трахать скрипучую коленку старика, упрашивая его дать больше, больше ежевичной отравы».

Сухой комок проскреб глотку. Глаза заслезились, коленки сами по себе затряслись, а кулаки крепче прежнего сжали песок. «Ну, давай, сука, – даже в мыслях ей собственный голос казался жалким и писклявым, – садись поближе».

– Прости, милая, что заставил ждать, кхм, – старик искусственно откашлялся и игриво улыбнулся, – кстати, можешь называть меня дедом Веней.

Дана невольно посмотрела на Сеньку. Монстрик плюхнулся на корточки и принялся сверлить желтыми узкими глаза-

ми ремень старика. Дана знала, он принохивается к фляжке – не ежевика ли там плюхается. Ежевика, конечно, она.

– Ничего, – прохрипела Дана и не узнала собственный голос. Ей не хотелось говорить со стариком, но пересилила себя и сделала это. Чтобы усыпить бдительность – дать поверить, что она теперь тоже псина, – дед Веня...

– Вот и славненько, – старик хлопнул ее по синей коленке, – тогда продолжу. Контора! Ох и темные люди там работали. Но не о них, расскажу тебе о том, что сподвигло меня прикрыть эту нелепицу с биооружием. Еще до конторы отправились мы с товарищами в экспедицию заморскую. Произошло страшное крушение на островке одном, картой не отмеченном. Выжил только я. И забрел там в одно поселение, с одичалыми. Представляешь, есть уголки на нашей необъятной планете, нетронутые цивилизацией? Ба-а-а! Навидался я там, ох и навидался, тебе и в самом кошмарном сне не привидится. Едят усопших – традиция такая. По кусочкам смакуют, меня даже заставили. А подробности про кровосмешение и вспоминать стыдно.

– Что вы говорите, дед Веня?

– С ума сойти, правда? – старик чуть ли не хрюкал от удовольствия. – И это не самое важное. Одичалые открыли мне историю о местном божестве – но не сразу, как только доверились мне.

Старик вытащил из кармана сложенный в несколько раз бумажный квадратик, развернул и ткнул им Данае чуть ли не

в нос. Морщинистые руки старика дрожали от волнения, и Дане с трудом удавалось вырвать из освещаемого торшером полумрака слабые очертания на измятом пожелтевшем листе.

Это было изображение огромного существа. Внушительные габариты на рисунке подчеркнули разбросанными вокруг него муравьями с очертаниями полуобнаженных людей с большими, сотканными из соломы масками. Рисунок выполнен карандашом, и под ним была подпись «Шолохов В.Л.». Старик его нарисовал сам, в этом не было сомнений. Дед Веня нежно провел пальцем по бумажке и объяснил, что скопировал образ с рисунков аборигенов острова, которые он нашел на стенах пещеры и в хижинах на дощечках. На деревянные поверхности местные мастера переносили облик существа с помощью полыхающих углей.

Существо своей невероятной худобой напоминало гигантскую тростинку. Тонкие руки свисали почти до земли, царапая ее длинными когтями. Идеально круглая голова же казалась неподобающе большой для такого телосложения. Из нее торчало пару волосинок, а большую площадь лица занимала черная круглая пасть с усеянными по всей кромке острыми клыками. Единственный крохотный глаз высился по центру лба. Монстр прямо с небрежного, почти детского рисунка одним своим видом заставлял сердце Даны вырываться из груди. Ей слышались отдаленные стоны и крики. Хотелось отнять листок, разорвать его, смять в комок и

сжечь. Но Дана не шелохнулась, старалась делать вид, что ей не страшно, а очень интересно слушать лекцию старика.

Вениамин Львович указал на символы рядом с изображением существа. Сначала Дана приняла их за бессмысленные каракули. Однако доктор объяснил, что это имя существа на диалекте островитян. Зовут его Егхль.

– Божество их. Поклонялись ему. Я не успел узнать, откуда им пришел такой жуткий облик, но как есть. И якобы даровал им Егхль источник вечной силы. В пещере было у них священное место, где висел гигантский многовековой сталактит. С него по ночам – в полнолуние с особой силой – стекала зеленоватая слизь. Люди собирали ее и использовали как добавку для еды, мазь и даже как болеутоляющее, – старик придвинул к Дане больную ногу, схватился за чашечку и небрежно ее подвигал. От щелкающего хруста Сенька в углу застонал.

– Уберите, – взмолилась Дана, – мне плохо.

– Вот вы с Сенькой нежные! Это я сейчас так хрущу. На острове после аварии ноги совсем отнялись. Неудачно приземлился, и косточки обратились в труху. Но знахарка исцелила меня за пару ночей! Вскоре зашагал на своих двоих. Милая, это поистине чудо... Жаль, не удалось продолжить лечение, поэтому со мной на всю жизнь осталась проклятая хрящевая дисфункция. Суставы иссушились так, что еще чуть – и в пыль обратятся. Каждый шаг, каждый хруст коленкой служит мне напоминанием о том, что я сделал ра-

ди...

Старик уставился на стену. Дана обернулась посмотреть, что его так заинтересовало. Ничего кроме старой паутины сдохлым пауком не обнаружила. По щеке деда Вени прокатилась маленькая слеза.

– Что с вами?

– Ради спасения всего человечества, милая моя. И ради самого дорогого мне существа в этом мире.

Дана снова взглянула на Сеньку, на что Вениамин Львович отреагировал раскатистым смехом. Он шлепнул Дану по бедру и по-змеиному облизнулся.

– Что ты, не Сенька, вовсе нет. Мальчик способный – подумываю обучить его всему, преемником сделать. Но не о нем лялякаю. Не будем отходить от темы, милая, – старик сделал томную паузу, откашлялся и шлепнул Дану, снова по посиневшему бедру. – Одичалые эти – странные людишки, скажу я тебе. И дело не только в божестве этом. Прожил у них там пару месяцев, пока на самолете товарищи меня не спасли. Делали они из слизи наркотик особый. Устраивали ритуалы – дескать, чтобы с божеством связаться. Не знаю, с кем они там связывались, но творили мерзкие вещи. Входили в транс и, извини, милая, за детали, но сношали друг друга тут и там, во все дыры.

Старик потянулся к коленке Даны, но та машинально одернула ногу и тут же прищурилась, будто ожидая удара. Но старик ее никогда не бил, и в этот раз не стал. На его лице

блеснуло подобие смущения. Только подобие. Никак иначе его эмоции назвать было нельзя. На вид вполне себе человеческие, но с какой-то неподвластной описанию фальшью. Будто и не человек это вовсе, а существо, пытающееся изображать эмоции.

– Наблюдал за ними долго, – звон в голосе у старика сменился на утробное бурчание. Говорил себе под нос, будто не хотя, а Дана и шевельнуться боялась, чтобы из-за шороха кожи о каменистую стену не прослушать, о чем щебечет доктор, – заприметил – наркотик этот обладает еще более особенными свойствами, чем слизь пещерная в чистом виде. Были у них там старейшины, на вид которым – лет тридцать пять, не больше. Младенцы необычайно крепенькими рождались, а развивались так, что в пять месяцев кое-как, но топтать на своих двоих могли.

– Вы собираетесь его воссоздать? – собственный хриплый голос все больше казался Дане чужим. Ей хотелось молчать, и ежевичного пойла. От слов старика о наркотике в носу защекотало, а желудок заурчал от фантомного аромата сладкой ягоды.

– Именно так, милая! Раны их быстро заживали благодаря мази из этой пакости. Но от наркотика они становились... Они... Могли стать лучшими представителями человечества, но губили свой потенциал на загаженном островке! Вот я и подсмотрел, как готовится, но узнал не все в малейших деталях. Да и у обычных людей вещество с трудом

уживается. У Борьки вон совсем мозги отшибло. Сенька еще сохранил немного мозгов, но и то порой шибко агрессивным бывает – страшно на люди водить будет, когда представится возможность.

– И как вас отпустили с наркотиком? Как сбежали?

– Я же сказал, что не долечили мне колено?

– Сказали.

– Вот и представь, милая. Вспомни, на какие жертвы шло человечество ради науки. Сколько плоти было спалено, когда в пещерах сверкнули первые искры. Сколько душ похоронено в водах под великими мостами. А сколько видов исчезло и сколько организмов отравлено мутациями ради чудес фармацевтики? Точные цифры, милая, хранятся только в самых засекреченных архивах конторы, которая и КГБ пережила, и крепостное право, и перекинется в недоступное нам с тобой будущее, став свидетельницей всевозможных смен строя и революций.

– Так что вы сделали?

– Убил, – без промедления, подобно выстрелу ответил он. – Собрал ягод ядовитых. Мне пришлось. Ты бы знала, через что я прошел. Повсюду гнили горы трупов. В глазах ни сна, а коль удавалось вздремнуть – в голову сразу лезли их красные, кричащие рожи с выпученными глазами. Некоторые являлись мне в масках, из каждого отверстия которых бесконечными потоками лилась кровь. И младенцы. На руках матерей и отцов... Кому повезло, тоже проглотили зара-

зу и померли вместе с родителями. Другие же до голодной смерти извивались в утыканных червями худеющих руках. Они визжали. От криков было не скрыться. Мелкие грызуны сходились на рев и обгладывали маленькие трясущиеся ножки, ручки. Вытаскивали из мертвецов иссохшие глазные яблоки. Ковырялись в ушах. А я... Хотел избавить оставшихся в живых от мучений, но не мог и приблизиться, просто не мог. А этот самолет, этот чертов самолет. Я все просчитал, тела и остыть бы не успели, как помощь должна была прибыть. Но мне пришлось просидеть три дня на острове – в окружении беспокойных душ, жаждущих моей смерти.

Вениамин Львович поднялся и похрустел в сторону выхода. Дана крепче сжала камушки в ладони, которые уже намокли от пота. Мысленно обласкала себя всеми известными ругательствами за то, что не воспользовалась случаем, не кинула грязь деду в лицо. Старик остановился, обернулся и вновь подошел к ней.

– Хоть тебе и не очень интересно, но рассказ закончу. Забрали меня на самолете. Начал работать на контору. Но эксперименты над людьми, видите ли, посчитали неэтичными – руководители конторы так сказали, те, кто всякой дряни планете нашей принесли. Организмы людей не приспособлены к развитию таких веществ. Происходили страшные мутации, подопытные становились агрессивными. Я пытался убедить их подождать, дать мне время. Но попросили перенести исследования в отдел биологического оружия. Этого

они и добивались. Устроил я саботаж, уничтожил все разработки и скрылся – забрав с собой образцы. На моем рабочем месте они нашли лишь синтезированную лужицу с плавающей ДНК твоего дорогого деда Вени. Все, конечно, прикрыли, ведь эти тупоголовые потеряли единственного гения, способного закончить работу, – старик наклонился к Дане, – но ничего, я довершу задуманное. Правда, милая?

Другого шанса может не быть. Дана стиснула зубы и швырнула влажный комок грязи и камней в бородавчатое лицо старика. Он с хрустом повалился на пол и заверещал.

– Сука! Сука! Стой, зараза!

За спиной послышался мерзкий хруст, но Дана не оставалась. Перепрыгнула через две ступеньки, бросилась к двери и почти было схватилась за ручку, как нога застряла в металлической пасти. Зубцы сомкнулись, Дана опустила глаза и, осознав увиденное, закричала.

– Вот же ж дрянь, – кряхтел старик, вытирая платком глаза, – чувствовал, что рано доверять, чувствовал! Не зря капканчик поставил, не зря. Ох, не зря.

Вениамин Львович опустил пальцы в кровавое месиво, что блестело вместо ноги, и одним нахальным щелчком освободил стопу. Дана заплакала, и слезы перемешались со смехом. Она глядела на окровавленные пальцы старика и смеялась – чем шире боль распространялась по телу, тем заразительнее хохотала, не прекращая в то же время рыдать.

Сенька вжался в угол так, что еще чуть – и провалится в

стену. Вытащить голову из плеч он побоялся. Поэтому мог только слышать, как дед Веня тащит стонущую тушку и то и дело повторяет по кругу: «Ничего милая, заживет...». Рядом пахнуло ежевикой, в животе Сеньки заурчало, но так и не высунулся – потому что знал, вкуснятины не получит, а по затылку отхватит.

Дана запустила пальцы в локоны. Кожа головы покрылась коркой, которую постоянно тянуло поковырять. Чтобы отвлечься и что-то почувствовать помимо разрываемого внутренности отчаяния и жажды вырвать деду глаза и заставить их проглотить. Дана посмотрела на ладонь, к ней прилип клочок волос. Попыталась пригладить взъерошенные кудри и вытащила еще один кустик засаленных прутьев. Зубы застучали, а в ребрах застонала боль.

– Дружок, – Дана повернулась к Сеньке, – надо убираться отсюда. Не знаю, что ты здесь пережил с Борькой, но пора. Мне кажется, еще пару дней, и я уже больше ничего не смогу сделать. Понимаешь? Я старалась, как могла, чтобы старик убрал цепи. Он сделал это. Но считает, что я уже под контролем, – Дана взглянула на прилипшие к рукам волосы. – Не могу упустить этот, пусть и крохотный шанс.

Сенька как-то по-детски обиженно смотрел то на нее, то на дверь. И псом скулил, силясь подобрать, что ответить.

– Что же ты молчишь? Без тебя мне не справиться. Понимаю, дед Веня тебе что-то сделал, из-за чего ты так его боишься. Но надо. Если ты мне сегодня не поможешь, то боюсь, что больше мы с тобой нормально не поговорим. Потому что я вылью ежевичное пойло ему в рожу, заберу ключ и убегу. А ты должен его задержать. Если этого не сделаешь,

он причинит мне такую боль, что... Некому тебя будет обнять, понимаешь?

Сенька нахмурился, окинул взглядом лестницу и кивнул.

– Вот и славно. Не удержишь, он догонит. А я потом вернусь за тобой. Обещаю. И знай, даже если ты передумаешь и снова забьешься в угол, я все равно попробую – а там будь что будет.

Стемнело. Последние дни Вениамин Львович оттягивал спуск в подвал до последнего. Он стал холоден к Дане и перестал с ней подолгу сидеть. Приходил лишь для того, чтобы быстро взять образцы, ткнуть иглой в ногу и напоить ежевичным отваром. Глаза у Даны слипались, но сон как холодной водой смыло, когда дверь отворилась. Вениамин Львович закрыл за собой дверь, повесил ключ на пояс и осторожно перешагнул через капканы. Молча пододвинул к Дане стул и приступил к привычной процедуре.

Дана боялась, что силы в нужный момент ее покинут. Поэтому не тратила их на сопротивление, мольбу и ругательства. Старик не подавал виду, смутила ли его покладистость пленницы. Действовал он по-прежнему методично с невозмутимой маской на лице. Наконец, поднес ко рту Даны фляжку, та вяло к ней потянулась, впилась сухими губами к горлышку и с тем остатком жизненной силы, что смогла в себе почерпнуть, выхватила из кривых пальцев старика жидкость. Выплеснула ему в лицо, схватила ключ и побежала к лестнице.

– Ах, ты притворщица! СТОЙ!

Вениамин Львович вытер зеленовато-сиреневую жидкость с лица и вытащил из брюк нож. В углу блеснули два желтых огонька. Не успел старик встать со стула, как его повалила на пол склизкая туша.

– Дед Веня, не надо! Не надо, она холошая!

– Слезь, паскудник! Слезь, кому говорю! Ух, твареныш!

Дана перескочила через один капкан, другой. Глянула через плечо вниз – там бледное, длиннорукое и худющее нечто вдавливало старика в пол. Из спины монстрика торчали острые позвонки, которые вот-вот и продырявят кожу. Из ушей, рта и глаз текла слизь. Дрянь обволакивала старика, тот истерично вопил, отрывивал последние ругательства, пока его пропахший медикаментами белый халат впитывал в себя органическую жижу существа.

В сердце Даны кольнуло. Она усомнилась в собственном обещании вернуться за монстром. Может, нужно оставить здесь – где ему и место, в глубине богом забытого леса, где умирают слезы и рождаются страхи? Но об этом она будет думать потом. Дана повернула ключ. Свет обласкал зеленоватое лицо, в глазах брызнули слезы, в ноздри полился свежий лесной ветерок из окна. И даже зловоние берлоги ученого после затхлого, сырого подвала не мешало насладиться ею. Сладкой, обманчиво теплой. Надеждой на свободу.

*

Внизу загромыхало. Раздался глухой удар, и Сенька за-

стонал. Старик наконец-то умолк. Дана глубоко вздохнула и осмотрелась. На столе среди хлама растянута марля – на ней сияли набор скальпелей, хирургические ножницы и отполированный до блеска лобзик. Дана поморщилась и взглянула на ту самую дверь с гвоздем. Последний раз она ее видела, казалось, вечность назад – в прошлой жизни, когда вонь от разложившихся остатков еды в ведрах была для нее целой трагедией. Когда все, о чем могла думать, были выяснения отношений с парнем, неприятности на работе и выбор сериала на выходные.

Следовало покинуть хижину и уйти подальше – позвать помощь. Но что-то удерживало в лачуге. Необъяснимая тяга узнать, что там – за дверью с гвоздем, – была сильнее страха быть пойманной стариком. Дана прислушалась. Внизу ни шороха, только Сенька то и дело поскуливает, сожалея, что угробил деда Веню. А вдруг не угробил? Вдруг старик уже выбирает топор и готовится отрубить голову беглянке? Дана вернулась к двери в подвал, заглянула внутрь – старик с закрытыми глазами лежит на коленях своего монстра. Сенька плакал и поглаживал седые волосы деда Вени.

«Я только глазком, и ухожу», – убедила себя Дана и направилась к двери с гвоздем. Ключ на этот раз был в замочной скважине. Вениамин Львович заходил туда или хотел заглянуть после того, как проведает пленников в подвале. Дана медленно прикоснулась к холодному металлу, повернула ключ и потянула дверь на себя. Из полумрака глядел на нее

силуэт. Дана прощупала стену у косяка и, наткнувшись на выключатель, нажала на кнопку. И обомлела.

Силуэт принадлежал человеку, никаких груд вещей здесь не было. Комната вообще в контрасте с остальной частью дома выглядела необычно и даже по-больничному чисто. Пол, стены вылизаны, на полках ни паутины, а окна закрыты непроницаемыми жалюзи. Посреди стояла больничная койка. На ней под тонкой марлей лежал молодой мужчина, чье лицо отдаленно напоминало обтянутый сморщенной мертвой плотью череп. От острых скул тонкая кожа едва не лопалась, в сдувшихся щеках зияла чернота, а лоб и виски пульсировали тонкими иссиня-черными паутинками вен. Иссушенные и утыканые трубками руки-тростинки мертвым грузом свисали с кушетки. Серые губы прикрывала кислородная маска, она подавляла свистящее дыхание человека. По обе стороны от незнакомца стояли считывающие его пульс приборы и стойки для капельницы.

От взгляда худого мужчины на Дану накатила волна ужаса. Те же голубые внимательные глаза Вениамина Львовича, но от них не бурлит в горле ярость, не падает в ноги сердце от страха. Только лишь щекочет в затылке от жалости и кислой печали. За все недели в подвале, где приходилось справлять нужду и ежедневно представлять свою погибель, Дана, казалось, разучилась бояться. Но комната за дверью с гвоздем заставила ее вновь обрести потерянное чувство. От глаз веяло холодом, в их черноте на Дану глядела бездонная яма

отчаяния. С них соскакивали стоны беспомощности и мольба о даре смертельного покоя. Худой мужчина перевел потерянный взгляд со своей неожиданной гостью на один из приборов. И моргнул – раз, другой, третий. Моргал так быстро, что было сил. Он умолял, кричал: «Помоги! Выдерни шнур! Убей меня! УБЕЙ!» Слеза скользнула по его щеке и тут же испарилась от жара на его вдруг покрасневшей коже. Мужчина слабо застучал пальцами по стойке с капельницей, не отрывая взгляда от Даны. И она сделала это.

Лампочки перестали мигать. В пакете с жидкостью что-то последний раз булькнуло. И худой мужчина уснул. Дана не стала закрывать дверь, будто хотела, чтобы уставший от подвоя жизни дух свободно, без преград улетел в небо. Его лицо изменилось. Красноту сменил чистый свет. А под маской скользнула тень улыбки, которая легла на сердце Даны если не теплом, то чувством великого, но несправедливого дара, что так был желаем и недоступен.

*

Лес не желал кончаться, а ноги слишком быстро начали подводить. Во рту стало сухо, но Дана хотелось не воды – а ежевичной отравы. Сколько сил подарило бы снадобье... И леса мало, чтобы охватить эту мощь. Но надо идти, отбросить мысли о пойле и думать о доме, где можно лечь в пушистую кровать, забыв старого костолома как безликую нечисть из страшного сна.

Дана старалась рисовать в воображении собственную

квартирку. Вот диван, где она обязательно соберет всех своих друзей, чтобы рассказать страшилку. Вот столик, где расставит угощения. Торт, вино и большая, глубокая, чудесно пахнущая тарелка ежевики. Ягода. Сочная, сладкая ягода, посланная небожителями – для того, чтобы человек понял, что такое вкус. Именно ежевичное вино плескалось в святом граале. Амброзия, воспетая Гомером, имела вкус ежевики. Как же ей хотелось пить.

Губы покрылись твердой коркой, по ним брызнули кровавые трещины. Ноги немели с каждым шагом все сильнее. Утыканное островками мха бревнышко стало непреодолимой преградой. Дана держалась за ветки, пыталась перелезть, но сил не хватало – пришлось обойти гигантское поваленное дерево. Высокая трава цеплялась за стопы, путала и тормозила. Сам воздух хлестал жидким металлом плечи, грудь, заставляя тянуться к земле. Но Дана продолжала идти и представлять, как обчистит на рынке все прилавки с ежевикой и выжмет целое ведро сока, или даже больше. Только мысль о ежевике помогала ей двигаться.

Сквозь тонкие ветки и высокие кусты проглядывал пустырь, перед которым расступились могучие деревья. Понесся до боли знакомый шум. Двигатель. Приближалось тарыхтение чьей-то старой колымаги. Дана сжала кулаки и рванула, что было мочи, на звук.

– Дорога, – выдохнула она надтреснутым от изнеможения шепотом.

Настигла овраг, оставалось только его перешагнуть, и вот оно – спасение. Машина приближалась, надо делать все быстро. Дана ступила вперед, ямка оказалась неглубокой. Но преодолеть ее энергии не оставалось. Дана качнулась, ноги охватило судорогой, и она повалилась на колени. Протянула дрожащую руку к оглушающе близкому звуку мотора. Машина промчалась мимо, даже не замедлившись. Дана продолжала тянуться к звуку, пока поток поддерживающих в ней жизнь соков не поутих, а сознание не провалилось в темную пропасть. Шум отдалился, а затем и вовсе исчез. Как и всякий шанс вернуться к дивану и собрать друзей, чтобы рассказать страшилку за бокалом горького, ядовитого и божественного ежевичного сока.

*

Дану разбудил до ужаса знакомый хруст, который укутался в ледяный душу больничный запах. Его сопровождало довольное причмокивание.

– Обезво-о-оживание, милая? – это был Вениамин Львович. Все еще живой, в его голосе прежний задор сменила задумчивая печаль. – Не мудрено. Совсем пока не готова без ежевички косточками передвигать. Пойдем, что уж.

Старик закинул тело в тележку и повез обратно в лес. Всю дорогу молчал, или Дана слишком часто проваливалась в сон, чтобы уловить хоть словцо. Проснулась уже на ровном, твердом и мертвецки холодном столе в ставшем родным, но нескончаемо удушающем полумраке.

– Сбежала, погубила моего Гришеньку... – старик раскладывал на краю стола инструменты. – Думала, что после всех гадостей я останусь прежним, старым-добрым дедом Веней? Сенька, а ты чего там прячешься? Подходи, негодник паршивый, учись. В люди тебя не пустить, хоть помогать потом будешь.

Снова наступила тьма. В ней кружили заплесневелые воспоминания. Джип, Егор и любимый диван... Во влажной, беспокойной тьме вспыхнул жар, раскатами охвативший тело Даны. Виски сдавило невидимыми тисками, а ноги прожгло юркой плетью. Один удар, другой – во сне Дана казалась себе загнанным в клетку цирковым уродцем, над которым измывался дрессировщик. Боль не утихала, Дана пыталась спрятаться от нее в темном углу клетки, но та всегда настигала и была яростнее, царапая конечности и стягивая жгут вокруг шеи. Со лба текли слишком осязаемые для видения горячие ручьи, а страшные, кровавые образы уничтожали границу между подсознанием и реальностью.

Вынырнув, наконец, из мглы, Дана кончиками пальцев ощутила холодную твердую поверхность. Погладила по ней, и рука провалилась в пропасть. До пола не дотянуться. Дана казалось, она уже взмыла в небеса, но удушающая влага подвала вернула на землю.

– Проснулась? Как жаль, – Вениамин Львович громыхал над кушеткой инструментами, – я же только-только начал. Осталась одна, и поднимемся выше.

За спиной старика торчали два грустных желтых глаза. Сенька держал поднос, на котором в аккуратную горочку были сложены окровавленные рулоны бинтов. Поднос задрожал, доктор ударил подопечного по склизкому плечу и тут же погладил его по щеке, пообещав, что всегда будет заботиться и никогда не обидит.

Дана с трудом подняла ослабшие руки, посмотрела на пальцы, которых в помутнении стало двадцать. Прикоснулась к лицу и опустила глаза. Рядом с покрытой набухшими синими венами ногой лежал обрубок. Культю еще не забинтовали и даже не прижгли. В ней сочилась кровь, которая ровным ореолом расплзлась по простыни. Из сухих уст сам по себе вырвался раздирающий глотку крик.

– Ну-ну, – старик бросил лобзик на металлический стол у кушетки, – не плачь. Милая... Милая, послушай, не могу же я тебя постоянно на привязи держать, правильно? Вдруг процесс химический пойдет, ножка распухнет-треснет, да заражение какое без моего ведома случится? Да и выходок таких больше не потерплю... Надо нести ответственность за свои поступки, милая. К тому же для исследований вовсе не обязательно иметь все конечности. Ну и, что уж, найду, куда и их применить.

Вениамин Львович подошел к единственной стопе Даны, дотронулся до каждого пальца и встал прямо между целой ногой и культей. Схватился за обе и как замороженный уставился на фонтанирующий кровью огрызок. С каким-то по-

хотливым вождением в глазах погладил коленки и пробежался костлявыми пальцами до бедер.

– Как струится, милая, как струится, – голос становился все тише, почти утробно низким, – такая влажная, какая же влажная, милая... Ты везде такая влажная? Ох, милая, как же давно, как же давно не ощущал я женской ласки...

Дана заерзала на кушетке. Попыталась скатиться, но цепкие руки старика не давали ей сдвинуться. Пальцы ползли все выше, скользнули ко внутренней стороне бедер. По подбородку деда Вени стекала слюна, пока в глазах сверкали искры, а руки раздвигали окровавленные ноги. Заляпаные брюки скатились гармошкой, старик двинулся к бедрам. Пальцы поднялись еще выше, Дана заерзала сильнее, но не успел старик стянуть с нее шорты, как ухо обожгло чем-то тяжелым. Старик упал на бок и собрался было подняться, но его придавил к полу липкий монстр с поднятым ввысь подносом. Острием ударил деда Веню в висок, затем разбил ему нос и между тем свободной рукой колотил по груди, сопровождая каждый удар свинячим визгом и хрустом сломанных ребер. Доктор пытался что-то сказать, приструнить монстра, но вместо этого выплевывал зубы и кровавые ошметки.

Дана скатилась со стола и упала прямо у лица деда Вени. Свои кривые, потрескавшиеся ногти вонзила ему в глаза так глубоко, что могла добраться до затылочной кости. Старик визжал, его глотку разрывали бесконечные потоки крови и рвоты. Монстр на нем не унимался, наносил один удар за

другим – то в лицо, то в туловище, пока грудная клетка не раскрошилась в песок, а лицо не превратилось в кашицу. Дана – все еще не уверенная, что Сенька не бросит начатое, как в прошлый раз, – засовывала пальцы все глубже, пока лезть уже было попросту некуда. Зарывав, Сенька схватил обглоданную заостренную кость Борьки и вонзил ее в горло старику.

Вениамин Львович больше не двигался. Его рука замерла по направлению к тумбочке под койкой, где был спрятан пистолет. Вокруг рта уже подсыхала кровь, а ноги давно прекратили биться в судорогах. Однако Сенька и Дана продолжали истязать размазанное существо, прежде бывшее подобием человека.

Руки Даны ослабли, некогда покрасневшее от ярости лицо побледнело. Нога фонтанировала меньше, силы вместе с кровью покидали тело. Почувствовав, что вот-вот потеряет сознание, Дана оттолкнулась от тела старика, устроилась на полу неподалеку, сладко улыбнулась замутненному, покрытому мертвыми мушками потолку и упоительно закрыла глаза. Больше и не шелохнулась.

Сенька заметил, что остался со своим мучителем наедине, не сразу. Волна ярости и обиды охватила его, ослепила. Когда кровь на руках похолодела, а дед Веня совсем перестал походить на себя, сердце монстра забилося медленнее. Он взглянул на Дану. Та лежала так спокойно, что, казалось, и не участвовала в битве. Не ослепила старика собственны-

ми пальцами. Она была бледна, умиротворена и спокойна. Сенька, осознав, что уже слишком поздно спешить, встал и медленно, будто нехотя направился к лестнице. Последний раз осмотрел подвал. Что-то в груди заставляло его остаться. Здесь был его дом, но сейчас этот дом мертв. Дом оказался слишком жестоким, чтобы по нему горевать. Но слезы все равно текли, потому что ничего другого в памяти Сеньки не осталось – только жестокий дом, непоседа Борька и теплые объятия Даны.

*

Ноги сами по себе привели к дороге. Сенька, с повязанной на поясе тряпкой, посмотрел направо, налево. Опустил глаза на помятую траву, от нее тянуло сладким ароматом ежевики. Старый, приятный запах, от которого дед Веня давно оторвал. Сенька смахнул слезы, перешагнул через овраг и пошлепал по рыхлой тропе в неизвестность, оставляя за собой длинный улиточный след.

*

У дома с табличкой «Резиденция Шолохова» остановилась подержанная легковушка. Со смачным матом оттуда выскочила девушка с копной рыжих волос. Подняла высоко мобильник и, удостоверившись в отсутствии связи, кинула его в карман джинсового комбинезона. Красноречиво ругая какого-то Николая Семеныча, она налетела на дверь и одним мощным стуком ее распахнула.

– Эм, – рыжая прищурилась, чтобы углядеть хозяина сла-

бо освещенной берлоги, и осторожно вошла в помещение, стараясь не наступить на старые пожелтевшие бинты, – извините, у вас открыто. Есть кто-нибудь?

Убедившись, что в загаженной гостиной никого нет, рыжая собралась покинуть здание и обойти его. Но тут заметила исходящий из приоткрытой двери в подвал слабый свет. На всякий случай выхватила из кармана складной нож и направилась к свету. Медленно, под скрип ступенек спустилась в полумрак.

– Алло, хозяйева, вы тут? – рыжая вытащила телефон и включила фонарик. – Со светом у вас беда, товарищи. Не беспокойтесь, я с миром... О, Боже!

У измазанной кровью кушетки лежали двое. Раздавленное, походившее на старика с седыми волосами нечто. И бледная и болезненно худая девушка с отрубленной ногой и залысинами тут и там. У рыжей подкосились ноги. К горлу подпрыгнула горечь. Чтобы не блевануть, пришлось зажать рот рукой. Луч от фонарика хаотично забегал по подвалу – пытаясь ухватить того, кто устроил это зверство.

Рыжая попятилась, боясь отвернуться к двери и не уследить, как кто-то охотится и за ней. Умом понимала, что надо скорее бежать без оглядки. В безопасное место, где есть связь. Где можно позвать на помощь. Но стопы будто застряли в трясине. Заметив движение, рыжая остановилась. Там, в луже крови и грязи, шевельнулись пальцы мертвеца. Безногая девушка подняла руку и, уронив короткое «Помоги»,

потянула ее к выходу. Рыжая без промедления ринулась спасать незнакомку.

– Бедная, кто ж тебя так!?

– Егхль... Егхль! – как в бреду кряхтела незнакомка, жадно глотая воздух, как если бы только что вынырнула из ледяного пруда.

Рыжая обхватила незнакомку за плечи. Пообещала сбежать в машину за аптечкой, а затем вместе уехать искать больницу. А та без умолку благодарила и благодарила спасительницу. Обнимала. И раз за разом произносила одну и ту же, лишённую смысла фразу: «Ежевика, дай ежевику».